

УДК 323.21 – 323.22
DOI: 10.17223/1998863X/35/24

А.В. Скиперских

БУНТ КАК ПРЕОДОЛЕНИЕ ТЕСНОТЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Представлен взгляд на проблему протеста и его культурную предрасположенность. С точки зрения автора, протест оказывается зависимым от специфики культурного пространства, от его структуры. Русская культура, определённым образом изначально стесняющая бунтаря, оказывается оптимальным полем для актуализации и приложения протестных практик.

Ключевые слова: бунт, бунтующий человек, власть, культура, протест.

Что движет человеком, стремящимся выразить свой протест? Какие основания для бунта могут быть у него, прежде чем он актуализирует свои претензии в публичном пространстве? Данные вопросы, в принципе, не могут быть объяснены в одночасье, потому как каждая ситуация бунта по-своему уникальна, а бунтующий человек, следуя мысли М. Фуко, всецело объективен. Французский философ справедливо отмечает, что «никакая власть не способна сделать восстание полностью невозможным» [1. С. 16].

Культурная традиция бунта может связываться с физическими характеристиками пространства, являющегося неотъемлемой частью самой культуры. Бунт – двоичен. С одной стороны, он является следствием физической тесноты пространства. С другой стороны, наоборот, он содержит в себе стремление к уединению, к преодолению публичности (простора) – сосредоточению энергии в некоей раковине. Невыносимость бытия человека диктуется как излишней сжатостью пространства, его теснотой, ограничивающей выбор действий (военный плац), равно, как и простором, предполагающим широкий диапазон выборов индивида, равно, как и отсутствие концентрации и перспективы любого действия.

В данной статье мы попробуем связать физическую тесноту пространства, репрессирующую индивида, с необходимостью высвобождения из тесноты. Нас интересует бунт как производное физической тесноты и неустроенности, периодически находящее воплощение в тех или иных сюжетах русской культуры.

Казалось бы, физические характеристики пространства в России не должны актуализировать вопрос о стеснённости и зажатости человека. Наоборот, простор должен освобождать и предоставлять дополнительные возможности для творчества, для реализации смелых планов. Но именно в этом и отмечается некая парадоксальность. Широта и простор в контексте русской культуры почему-то не актуализируют в человеке страсти к обретению публичности, к стремлению во что бы то ни стало получить свободу. Наоборот, простор предполагает сосредоточение в себе, группирование в максимально компактном пространстве.

Хронотопы в русской культуре, где отмечает своё присутствие человек бунтующий, исключают европейское тяготение к расширению и демонстративной публичности, сворачиваясь до комнаты, переулка, лестницы, подъезда. Именно в подъездах поджидают свою жертву русские бомбисты – народошлюбы, и потом проходные подъезды помогают им скрыться. Преодоление проходных дворов и подъёмов/спусков по чёрным лестницам учащает их дыхание. Проходные дворы и подъезды выступают спасительным хронотопом для бунтующего человека исключительно в русском культурном контексте. Как отметит норвежский антрополог Ф.С. Нильсен, «неуправляемая сфера дворов доминирует во многих городах в России» [2. С. 55]. Вспомним, как по проходным дворам и подъездам Санкт-Петербурга уходит от преследования герой С. Бодрова в фильме «Брат».

Обращение к ряду текстов культуры, раскрывающих специфику русского протестного дискурса, в какой-то мере предполагает, что именно теснота как физическая характеристика как раз и является индикатором подчинённости человека, что вызывает его скрытное и бережливое существование. Данная модель не может не проецироваться на саму культуру, приобретающую «крепостной» характер. Именно это отчасти и является объяснением молчания русской культуры, отсутствия возможности возразить и публично противопоставить себя – системе. Молчание как раз и связывается с излишней бережливостью и экономностью бытия – неизбежных спецификаций тоталитарной культуры. Преодоление молчания означает моментальные санкции, и человек оказывается выдворенным властью из своего маленького пристанища. Бунтаря выдворяют на периферию, в азиатскую степь, лишая его возможности творить и коммуницировать в крупных городах, дабы не распространять крамольный вирус в сознание своих последователей и широких масс. Возможно, именно это имел в виду и английский политический философ Исайя Берлин, когда определял русскую культуру как «молчашую» [3].

Само существование человека в России, по словам З. Гиппиус, существование «связанное, с кляпом во рту» [4. С. 106]. В этом смысле показателен недавний перформанс российского художника-акциониста Петра Павленского, зашившего себе рот.

Российская практика показывает, что художник оказывается в состоянии выбора между сопротивлением либо заключением контракта с системой, что означает превращение самого себя в её соглядатая и исполнителя.

«Вся беда России, говорил мне высокий чиновник, что нет средних людей. Средний человек – это существо, прежде всего удовлетворённое всей жизнью, и там, где концы её с концами не сходятся вообще и для всех, готовое подчиниться богу, начальству или закону», – признается в «Дневниках» М. Пришвин [5. Т. 8. С. 47]. Не это ли свойство русской культуры объясняет выбор индивидуального бунта как наиболее оптимального пути сопротивления? Проблема заключается ещё и в том, что «средние люди» как раз и отличаются повышенным чувством бережливости и осторожности, что как раз и заставляет их чересчур бдительно охранять свою культурную тесноту. Поэтому если необходимость сопротивления будет периодически волновать их ум, то оно будет приобретать невероятно завуалированные формы, тяготеть к бытовому и производственному дискурсу. Сопротивление обречено на не-

кую компактность, на тесноту, субъект бунта должен скрывать свои намерения, опасаясь разоблачения.

Бунтующий человек в русской культуре призван производить протестный текст в стеснённых условиях. Он мечтает и о лучшей доле. Грёзы о лучшей жизни зачастую посещают бунтующего человека в момент присутствия в пространстве, требующем незамедлительного улучшения.

«Заплеванная лестница пахла мышами, кошками, керосином и стиркой», – так описывает лестницу, по которой поднимается и спускается герой «Гранатового браслета» А. Куприна – чиновник контрольной палаты Желтков.

Феноменология частых подъёмов/спусков по подобным лестницам, кажется, должна подробно прописать нам психологический портрет человека, которому в голову могут периодически приходиться мысли о собственном незavidном положении. Человек, поднимаясь и спускаясь по подобной лестнице, не может не осознавать, что может быть достойным лучшей участи. Ведь как этот невыносимый подъём/спуск в тесноте и темноте отличается от размеренного продвижения по парадной лестнице! Таким образом, «маленький» человек постепенно вынашивает внутри себя бунт, будучи внезапно «забеременев» необходимостью высвобождения от сковавшего его рабства, и постепенно растрясая в себе протестный плод.

С. Белов, исследователь текста «Преступления и наказания» Ф. Достоевского, с помощью контент-анализа подсчитал, что Раскольников пользуется лестницей 48 раз. Это подъёмы и спуски из своей чердачной комнаты на улицу, к Мармеладову, к квартире старой процентщицы, до полицейской конторы, до комнаты Сони [6].

«Узкая лестница ведёт в светлое помещение», – так обобщает И. Берлин свои впечатления от посещения Фонтанного дома, где находилась комната А. Ахматовой, где ему придётся провести полную впечатлений и переживаний ночь. Если предположить, что И. Берлина интересовало практически всё, что могло давать хоть какое-то дополнение к картине мира гонимой поэтессы в тоталитарной системе, наверное, сама лестница могла показаться ему очень информативной. Эту же лестницу вспоминает и Л. Чуковская: «На лестнице тьма и грязь. Ахматовская лестница! Ахматовская до слёз!» [7. С. 27–28].

Каждый шаг героя-бунтаря является испытанием-провокацией. Герой практически не стоит на месте, вынужденный находиться в постоянном динамическом поиске. Его психологическое равновесие, кажется, и заключается в постоянном движении «вверх» и «вниз», предваряемом долгим раздумьем либо электрическим, внезапным устремлением. Нужно понимать, что лестница является ещё и кладовой для воспоминаний, возвращающей в детство. Отсюда подъём/спуск по лестнице заставляет работать память.

Лестница – это порог принятия решения. Перед субъектом открывается несколько перспектив, связанных с выбором вектора движения. Как отмечает М. Бахтин, хронотоп «порога» «сочетается с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительности, боязни переступить порог)» [8. С. 397]. Порог ещё и черта, разделяющая два мира – два состояния температуры. Теплота дома противопоставляется холоду подъезда, как и освещение дома при открытии двери конфликтует с темнотой за пределами жилья.

Преодоление тесноты означает попытку высвобождения из заданного состояния. Преодоление тесноты, резкие попытки изменения существующего положения означают и выдавливание из себя по капле раба. Человек распутывает связующие его верёвки. Интересно, что одно из толкований слова бунт как раз и связывается с повязанием человека, с лишением его свободы. В частности, в словаре В. Даля, наряду с привычными политическими коннотациями, бунт ещё и «связка», «кипа», а ещё в одном значении бунт толкуется как «верёвка, обручи, проволока» [9. Т. 1. С. 141].

В русском понимании складывается парадоксальная связь, когда «бунт (средство для связывания) используется для обуздания самого бунта как протестного выступления. Бунт используют против бунта, с целью усмирения – подобное лечится подобным. Так и бунтовщиков – вяжут, стягивают, пытаются усмирить» [10. Т. 156. С. 141]. Теснота и дефицит свободного будут ограничивать нас в конструировании образов бунтующих людей в русской культуре. Свобода, заговорившая в человеке, вдруг оборачивается наказанием, несвободой, невыносимой печалью. Вот почему возникает чувство жалости и тайной симпатии к Пугачёву, которого везли по Москве в деревянной клетке.

Казалось бы, бунтующий человек некоторое время терпел сложившееся положение и только в последний момент решил отказаться от сдавливающей его невыносимости бытия. Именно об этом напишет А. Камю в «Бунтующем человеке»: «Нередко бывало так, что он безропотно выполнял распоряжения куда более возмутительные, чем то, последнее, которое вызвало бунт. Раб терпеливо принимал эти распоряжения; в глубине души он, возможно, отвергал их, но, раз он молчал, значит, он жил своими повседневными заботами, еще не осознавая своих прав. Потеряв терпение, он теперь начинает нетерпеливо отвергать все, с чем мирился раньше» [11. С. 124].

Феноменология отношений власти и сопротивления красноречиво выражается в позах власти, в постоянной борьбе за независимую позицию. В этом смысле положение подчинённого всегда предполагает преодоление сжатого, стеснённого состояния.

В политическом дискурсе современной России стала достаточно популярна метафора «вставания с колен», когда речь идёт о самостоятельной политике России на международной арене и преодолении унижений 1990-х гг. Вместе с тем метафора «вставания с колен» по умолчанию признаёт подчинённое положение человека, предшествовавшее периоду вставания. В позе стояния на коленях закодирована мольба о пощаде и величайшей милости в отношении того, волею которого заносится карающий меч. Стоящий на коленях человек, следуя мысли австрийского политического философа Э. Канетти, «приписывает тому, перед кем он преклоняет колени, величайшую власть – власть над жизнью и смертью». Переход в позицию «стояния», наоборот, означает, что человек «горд тем, что свободен и не нуждается в опоре» [12].

В этом смысле история русской культуры (впрочем, как и любой другой культуры) является историей борьбы за позицию, предполагающую более комфортные условия собственной объективации.

Как правило, бытовые условия бунтующего человека оставляют желать лучшего. Это касается как съёмных номеров, так и пространственных специ-

фикаций квартир. Вспомним, как много для советской интеллигенции означало пространство кухни, на которой могли вестись жаркие споры об общественном устройстве. Хронотоп кухни является адекватным не только для времени хрущёвской оттепели, продолжаясь во времени брежневского застоя. Кухня является особым пространством и в коммунальной квартире, где пересекаются интересы жильцов. Предметы конфликтов варьируются от абстрактных вопросов и тем до бытовых, локальных проблем. Кухня является альтернативным пространством для бунта, обладая определённой комфортабельностью, что привлекает человека, не способного публично и безрассудно выразить своё гражданское «Нет». Равно, как и в настоящий момент, учитываемая «закрученное» законодательство РФ в период правления В. Путина, альтернативным пространством для бунта является рабочий стол с выходом в Интернет. Склонность человека к конформному поведению и личной бережливости придает бунту анонимный характер. Это создаёт и достаточно обоснованные основания для критики, потому как запросы человека не являются адекватными выбранной им поведенческой стратегии.

Советская кухня не отличалась внушительными размерами, но это давало ей другое преимущество. Люди проникались особой приязнью друг к другу. В моменты тревоги и перед долгим расставанием люди притягиваются друг к другу.

Вспомним, как у О. Мандельштама:

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин.

Потрясающе красивое сравнение горячей газовой горелки с хризантемой можно увидеть в стихотворении И. Бродского «Гвоздика». Кухня освещена необыкновенным голубым свечением:

Но, чайник сняв, ты смотришь в потолок,
любуйся трещинок системой,
не выключая чёрный стебелёк
с гудящей и горячей хризантемой.

И. Бродский. Гвоздика (1964)

В песне «Перемен» В. Цоя есть также строки:

И на кухне синим цветком
Горит газ...

Теснота характерна не только для кухни. Тесное пространство с трудом вмещает гостей. В тесноте – трудно, но теснота обладает гостеприимностью из-за своей теплоты.

Однажды В. Розанов выскажется в «Уединённом»: «У человека две ноги: и если снять калоши, положим, пятерым – то кажется ужасно много. Между дверями стояло такое множество крошечных калошек, что я сам дивился. Нельзя было сосчитать скоро» [13]. Образ тесноты жизненного пространства уже советского человека мастерски схватит А. Родченко в фотографии «Прихожая», на которой нам предстают массивные, угловатые пальто и плащи на вешалке, фактически заполняющие весь коридор прихожей.

Выходит так, что человек в русской культуре оказывается сдавленным невыносимостью бытия в маленьких комнатках. Предположим, что его это оскорбляет.

Вспомним, в каких стеснённых и оскорбительных для человека условиях жил Раскольников у Ф. Достоевского. Его место жительства больше напоминало шкаф, но только не квартиру, отсутствие мебели в которой говорило о невозможности принимать гостей. В каморке Раскольникова едва ли можно было находиться кому-то ещё. Вспомним, как редкие гости студента обычно не вмещались в его каморку – кому-то приходилось постоянно находиться в дверях.

В схожих условиях у Ф. Достоевского оказывается нигилист Кириллов, во флигеле которого «сени и первые две комнаты были темны, но в последней, в которой Кириллов жил и пил чай, сиял свет и слышался смех и какие-то странные вскрикивания» [14. С. 211]. Герои Достоевского – обитатели угловых, недорогих комнат, пространство которых обладает такой же угловатостью и странностью. Теснота его героев – это и «грязная прихожая ремонтируемой квартиры, в которой прятался Раскольников после убийства; ниша под лестницей, в которой притаился Рогожин, подстерегающий с ножом князя; сам рогожинский дом с наглухо задёрнутыми тяжёлыми шторами окнами; каморка Ипполита; дача Лебедева» [15. С. 85].

Подобное материальное окружение в невыносимых условиях жизни усиливает и душевные муки – тоска увеличивается. Как высказался однажды М. Пришвин о герое «Бесов» Ставрогине: «В его давящей тоске был как бы низкий потолок» [5. Т. 8. С. 759].

Теснота имеет и температурное измерение. Получается так, что чем теснее, тем теплее. В тесноте скрывается особый мир – частный и экономный, противопоставляемый холоду публичного пространства, связывающемуся с непониманием и отчуждённостью.

Теплота в помещении является производным определённой суммы человеческих усилий. Человек, накапливающий бунтарскую страсть в холоде, должен оттаивать в тепле. Частые перепады температур словно намекают о парадоксальности русского бунта.

Как однажды отметил М. Пришвин в своих «Дневниках», «Морозы лютые с ветром стали вплотную и держат, месяц светит волчий. Берложная жизнь обняла, и утром душа моя как холодная печь: час целый сидишь возле печи, пока не нагреешь ее, и потом час целый сидишь, собираешься, пока, наконец, появится ощущение себя самого» [1. Т. 8. С. 124].

Русская культура – культура парадоксального человека. Парадоксальность отличает и протестный опыт человека. В самом характере русского человека скрывается парадоксальность, являющаяся тайной бунта, его таинственных истоков. Возможно, именно в этой обстановке и происходит обдумывание зловещих планов. Русский человек, преимущественно, сектант, что и «объясняет ту лёгкость, с которой каждый, если ему как бы предлагается выход из отчаянного положения – записаться в коммунисты, – тотчас сбрасывает с себя всякую «религиозность» [4. С. 121].

Странность выборов отдельно взятого человека в России, та удивительная лёгкость, с которой он отказывается от определённой картины мира

в пользу новой мировоззренческой схемы, вообще, амбивалентность, характерная для человека в России, по мнению некоторых социальных антропологов, может восходить «к русскому обычаю туго пеленать новорождённых месяцами, и только иногда давать им свободно двигаться» [2. С. 45]. Именно это, с точки зрения норвежского антрополога Ф.С. Нильсена, может объяснять частые переходы от тёплого к холодному в отношениях между людьми в России [2. С. 45].

Именно это вызывает недоумение Л. Толстого в «Воскресении», как «...кроткие по характеру люди, неспособные не только причинить, но видеть страданий живых существ, спокойно готовились к убийствам людей, и все почти признавали в известных случаях убийство, как орудие самозащиты и достижение высшей цели общего блага, законным и справедливым» [16. С. 386].

Продолжая размышления о тесноте пространства, отметим, что в довольно стеснённых условиях живут и прогрессивные студенты, снимающие отнюдь не престижные квартиры в университетских городах. Кстати, из этих студентов выйдут достаточно известные представители русской культуры. В студенческом прошлом В. Даля и Д. Языкова в Дерпте – «каморки под крышей», «тесное поднебесье» [17. С. 71].

Вспомним, как герой «Подвига» В. Набокова – Мартын, биографический опыт которого очень напоминает опыт самого автора, греется в своей холодной студенческой комнате у камина, проглатывающего номера газеты «Таймс». Газета вылетает в каминную трубу, рассыпаясь в туманном городе блестящими искрами и пугая полисмена.

Бунтующему человеку довольно часто приходится менять место жительства. В этом случае все варианты жилья оказываются адекватны друг другу, но это ни в коем случае не обнуляет протестный потенциал самого субъекта.

Вспомним, как у О. Мандельштама:

Я на лестнице чёрной живу.

Или строка стихотворения из цикла «Воронежские тетради»:

Я живу на важных огородах» [18. С. 139].

Н. Штемпель, воронежская знакомая О. Мандельштама по периоду его ссылки 1936 г., вспоминает незатейливое убранство одной из съёмных квартир поэта: «Две комнаты, стол, какой-то нелепый чёрный шкаф и старая, обитая дерматином кушетка, которая стояла почему-то посреди комнаты. Так как стол был единственный, то на нём лежали книги и бумаги, стояли дымковские игрушки (их любила Надежда Яковлевна) и кое-какая посуда» [19. С. 58]. Повседневная жизнь бунтующего человека, наверное, не предполагает окружения какими-то дорогостоящими предметами материального мира. Печально выглядит дом, который снимали Мандельштамы для дачного лета в г. Задонске, в 80 километрах от Воронежа (теперь Липецкая область). Покосившийся дом с маленькой верандой, который вряд ли заинтересовал бы не то, чтобы состоятельных арендаторов, но и даже самых обыкновенных советских тружеников. Бунтующий человек как никто другой понимает относительность материальной культуры.

Подобные лаконичность и компактность бытия транслируются и на другие культурные продукты. Экономность бытия бунтаря чувствуется и применительно к современной России. Вспомним, в каких условиях живёт в Санкт-Петербурге герой С. Бодрова в фильме «Брат» – Данила Багров, разве что с поправкой на постиндустриальный комфорт. Выбор в пользу фамилии героя – Багров – не может быть случайным. Наверняка у автора идеи возникали аналогии с Д. Богровым, который 1 сентября 1911 года в Киевском оперном театре выстрелом из браунинга смертельно ранил П. Столыпина. Нельзя не заметить и тот факт, что практически все квартиры и комнаты, где происходят коммуникации героя С. Бодрова с городскими жителями, удивительным образом похожи на ту, что снимает он сам.

Теснота в русской культуре, манифестирующая ценности свободы и отказ от рабского, подчинённого положения, может выступать характеристикой не только частного пространства, но и того пространства, где трудится индивид.

И если в западном дискурсе труда рабская зависимость от хозяина могла быть преодолима за счёт пространственных и экономических спецификаций самого места, в результате чего, как отмечает американский исследователь П. Колчин, работа могла связываться с находками или открытием чего-либо» [20. С. 6], то в русской культуре, наоборот, пространство трудовой деятельности, несмотря на невероятные задачи, ставящиеся перед молчаливыми исполнителями господской воли, отличается теснотой.

Труд в русской культуре – очень методичен и самозабвенен. Это невыносимая работа на собственное уничтожение на фабрике, описанной А. Блоком, это упрямое вкапывание в землю, её методическая разработка, имеющая цель производство котлована, как в одноимённом романе А. Платонова. Разница только в том, что в случае платоновских героев можно говорить о городской цели.

Человек в России изначально отмечен необходимостью труда, несмотря на существование в русской фольклорной традиции героев-антиподов, прожигающих жизнь до поры до времени. О необходимости труда убедительно высказался М. Пришвин: «Нужно трудиться... В поте лица нужно копать землю... И когда устанешь, когда сломается лопата и руки повиснут» [5. Т. 8. С. 58].

Если рабочий класс (масса) занят трудоёмким процессом преобразования, то и интеллектуалы создают свой вклад в это преобразование. А. Блок в «Стихии и культуре» заметит, что «цвет интеллигенции, цвет культуры пребывает в вечном аполлиническом сне, или – в муравьином сне. Это – бесконечное и упорное строительство с пеной у рта, с падениями. Один сорвался – лезет другой, другой сорвался – лезет третий. И муравейник растёт. Завоевана земля и недра земли, море и дно морское, завоеван воздух, который завтра весь будет исчерчен аэропланами» [21. С. 356–357].

А. Блок противопоставляет людям науки и других людей – созерцателей и мистиков, бунт которых пульсирует внутри ровными, глубокими толчками.

Россия в данном смысле страна странного сна. «Только всё на этой равнине ещё спит, а когда двинется, – всё, как есть, пойдёт: пойдут мужики, пойдут рощи по склонам, и церкви, воплощенные Богородицы, пойдут с холмов, и озера выступят из берегов, и реки обратятся всясть; и пойдут вся зем-

ля», – пишет А. Блок [21. С. 356–357]. Теснота муравейника, теснота подобного исхода людей – всё это приобретает как бы мистический, религиозный смысл, философское оправдание.

Бунтующему человеку в русской культуре оказывается слишком тесно. Но так нужно власти, потому как через умышленное, нарочитое создание тесноты она контролирует жизнь индивида, сопровождая его включение в различные социальные институты. Несмотря на тот факт, что жизнь человека распадается на хронотопы – места, где он расходует своё время, приобретаемая социальные и культурные навыки, каждый хронотоп равно отмечается властью, хватка которой не ослабевает даже в частных пространствах, редуцируя ощущения сдавленности и тесноты.

Подобное ощущение создаёт человеку и присутствие в русской культуре, в недрах которой может периодически слышаться недовольный ропот. Приведённые примеры литературных текстов свидетельствуют, что одним из ограничителей человеческой страстности выступает элементарная физическая теснота, восходящая к изначально экономичному позиционированию человека. Теснота, на наш взгляд, рассматриваемая в контексте культурной рамки, может говорить и об усреднении человека, о сличении его с толпой, массой. В этом смысле сопротивление отдельно взятого человека в культуре можно видеть в превозмогании силы окружающей, сдавливающей его массы.

Именно теснота ограничивает выборы индивида, рано или поздно актуализируя перед ним вопрос либо о продолжении рабского существования, либо о преодолении сложившейся данности. Исторически складывающаяся культурная ситуация в России, фиксирующаяся в текстах как русских, так и зарубежных писателей и философов, позволяет нам увидеть предпосылки борьбы за расширение права на производство смыслов со стороны прогрессивной части общества и по мере развития политического процесса.

Литература

1. Фуко М. Восстановить бесполезно? // Неприкосновенный запас. № 5 (79). С. 16–20.
2. Нильсен Ф. С. Глаз бури. СПб.: Алетей, 2004. 348 с.
3. Берлин И. История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 544 с.
4. Гиппиус З. Петербургский дневник. М.: Советский писатель, 1991. 127 с.
5. Пришвин М. М. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8: Дневники, 1905–1954. М.: Художественная литература, 1986. 759 с.
6. Белов С. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Л.: Промсвещение, 1979. 240 с.
7. Далош Д. Гость из будущего. Анна Ахматова и Исая Берлин. История одной любви. (Пер. с венг. Ю. Гусева). М.: Текст, 2010. 221 с.
8. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: ООО «Диамант», 2002. Т. 1. 704 с.
10. Скуперских А. В. Концепт «бунт»: герменевтическое путешествие // Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 5. С. 138–148.
11. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. (Пер. с фр.). М.: Политиздат, 1990. 415 с.
12. Канетти Э. Масса и власть // <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5454/5464> [Дата обращения: 24.12.2014].
13. Розанов В. Уединённое // <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html> [Дата обращения: 24.11.2014].

14. *Достоевский Ф.* Бесы. Киев: Борисфен, 1994. 640 с.
15. *Никольский С.А.* Достоевский и явление «подпольного человека» // Вопросы философии. 2011. № 12. С. 77–88.
16. *Толстой Л.* Воскресение. М.: Современник, 1977. 461 с.
17. *Порудоминский В.* Даль. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с.
18. *Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама.* Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 543 с.
19. *Гордин В.Л.* Мандельштамовский Воронеж // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 53–60.
20. *Kolchin P.* American Slavery. 1619–1877. New York: Hill and Wang, 2003. 328 p.
21. *Блок А.А.* Собрание сочинений: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 5: Проза: 1903–1917 / Подг. текста и прим. Д.Е. Максимова и Г.А. Шабельской. 799 с.

Skiperskikh Aleksandr V. School of Economics National Research University (Perm, Russian Federation)

E-mail: pisatels@mail.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 24

REVOLT AS OVERCOMING THE TIGHTNESS: REFLECTIONS ON SOME OF THE FEATURES OF RUSSIAN CULTURE

Kew words: revolt, rebellious man, power, culture, protest.

This article seems to look at the issue of protest and its cultural predisposition. From the point of view of the author, the protest is dependent on the specific cultural area, on its structure. Russian culture, in a certain way, initially hampering rebel, is the best field for updating and application of protest practices.

References

1. Foucault, M. (2011) Vosstavat' bespolezno? [Useless to rebel?]. *Neprikosnovenny zapas*. 5(79). pp. 16–20.
2. Nielsen, F.S. (2004) *Glaz buri* [The Eye of the Storm]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Berlin, I. (2001) *Istoriya svobody. Rossiya* [The History of Freedom. Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
4. Gippius, Z. (1991) *Peterburgskiy dnevnik* [Petersburg Diary]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
5. Prishvin, M.M. (1986) *Sobranie sochineniy v vos'mi tomakh* [Collected Works in 8 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Belov, S. (1979) *Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie": Kommentariy* [F.M. Dostoevsky's "Crime and Punishment": Commentary]. Leningrad: Prosveshchenie.
7. Dalosh, D. (2010) *Gost' iz budushchego. Anna Akhmatova i Isayya Berlin. Istoriya odnoy lyubvi* [A Guest from the Future. Anna Akhmatova and Isaiah Berlin. A Story of Love]. Translated from Hungary. Moscow: Tekst.
8. Bakhtin, M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Dal, V. (2002) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Diamant.
10. Skiperskikh, A.V. (2014) The Concept "Revolt": A Hermeneutic Journey. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 156(5). pp. 138–148. (In Russian).
11. Camus, A. (1990) *Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [Rebellious Man. Philosophy. Policy. Art]. Translated from French. Moscow: Politizdat.
12. Canetti, E. (2012) *Massa i vlast'* [Crowds and Power]. [Online] Available from: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5454/5464>. (Accessed: 24th December 2014).
13. Rozanov, V. (n.d.) *Uedinnoe* [Secluded]. [Online] Available from: <http://www.vehi.net/rozanov/uedin.html>. (Accessed: 24th December 2014).
14. Dostoevsky, F.M. (1994) *Besy* [Demons]. Kiev: Borisfen.
15. Nikolskiy, S.A. (2011) Dostoevskiy i yavlenie "podpol'nogo cheloveka" [Dostoevsky and the phenomenon of "underground man"]. *Voprosy filosofii*. 12. pp. 77–88.

16. Tolstoy, L. (1977) *Voskresenie* [Resurrection]. Moscow: Sovremennik.
17. Porudominsky, V. (1971) *Dal'* [Dal]. Moscow: Molodaya gvardiya.
18. Averintsev, S. & Nerler, P. (eds) *Zhizn' i tvorchestvo O.E. Mandel'shtama. Vospominaniya. Materialy k biografii. "Nove stikhi". Kommentarii. Issledovaniya* [The Life and work of O.E. Mandelstam. Memories. Materials for the biography. "New Poems". Comments. Research]. Voronezh: Voronezh State University.
19. Gordin, V.L. (1990) Mandel'shtamovskiy Voronezh [Mandelstam's Voronezh]. In: Averintsev, S. & Nerler, P. (eds) *Zhizn' i tvorchestvo O.E. Mandel'shtama. Vospominaniya. Materialy k biografii. "Nove stikhi". Kommentarii. Issledovaniya* [The Life and work of O.E. Mandelstam. Memories. Materials for the biography. "New Poems". Comments. Research]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 53–60.
20. Kolchin, P. (2003) *American Slavery. 1619–1877*. New York: Hill and Wang.
21. Blok, A.A. (1962) *Sobranie sochineniy: V 8 t.* [Collected Works. In 8 vols]. Vol. 5. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.